

ФАКТЫ. СОБЫТИЯ. ЛЮДИ

А.В.Репников

Л.А.Тихомиров, «СХИМНИК ОТ САМОДЕРЖАВИЯ»

Репников Александр Витальевич – кандидат исторических наук, специалист первой категории Российского государственного архива социально-политической истории (РГА СПИ), доцент Российской академии театрального искусства (ГИТИС).

Лев Александрович Тихомиров родился 19 (31) января 1852 г. в г. Геленджике, в семье военного врача Александра Александровича Тихомирова и Христины Николаевны, урожденной Каратаевой и был третьим сыном в семье. Родословная отца Тихомирова уходила своими корнями в Тульскую губернию. Практически все предки Александра Александровича принадлежали к лицам духовного звания. Получив воспитание в духовной семинарии, Александр Александрович прервал сложившуюся традицию и пошел по медицинской стезе, поступив в Московскую медико-хирургическую академию, которую закончил с золотой медалью. Затем служил в военных госпиталях и после перевода в Геленджик женился в 1847 г. на вдове своего товарища Семена Ивановича Соколова.

В 1864 г. Лев Александрович поступил в Александровскую гимназию в Керчи. Уже там он увлекся революционными идеями и впоследствии вспоминал: «Что мир развивается революциями – это было в эпоху моего воспитания аксиомой, это был закон. Нравится он кому-нибудь или нет, она придет в Россию, уже хотя бы по одному тому, что ее еще не было; очевидно, что она должна прийти скоро... революция считалась неизбежной даже теми, кто вовсе ее не хотел»¹. Тихомиров с увлечением читает «Русское слово», а его любимым писателем становится Д.И.Писарев.

Гимназию Тихомиров закончил с золотой медалью и в августе 1870 г. поступил на юридический факультет Московского

---

¹ Тихомиров Л.А. Критика демократии. – М., 1997. – С.93.

университета, откуда вскоре перевелся на медицинский факультет. Здесь он с головой погружается в революционную работу, став одним из активных участников народнического движения. Осенью 1871 г. он вошел в кружок «чайковцев». Летом 1873 г. Тихомиров переехал в Петербург, где продолжал заниматься революционно-пропагандистской деятельностью. В ноябре того же года он был арестован. Более четырех лет провел в Петропавловской крепости и Доме предварительного заключения. В октябре 1877 г. он проходил по знаменитому «процессу 193-х» народников-пропагандистов. Тихомиров, которому годы тюрьмы компенсировали срок наказания, был освобожден в начале 1878 г. Самому Тихомирову такое наказание казалось чрезмерным. По его мнению, он, «мальчик, полный жизни», был наказан «за вздор, за дурацкую брошюру». Вышедший на свободу Тихомиров был отдан под административный надзор полиции с определением обязательного места проживания. «При моей молодости и жажде широкого наблюдения – вспоминал он впоследствии, – эта мера поразила меня, как громовый удар. Мне казалось, что я снова попадаю в нечто вроде недавно оставленной тюрьмы, и я немедленно бежал, без денег, без планов... с этого момента начинается моя нелегальная жизнь...»².

Авторитет Тихомирова в революционной среде к тому времени значительно возрос, чему в немалой степени способствовали годы, проведенные в заключении. В личном плане у него завязывается роман с С.Л.Перовской, который едва не приводит к браку. Но Тихомиров познакомился с уроженкой г. Орла, Екатериной Дмитриевной Сергеевой, учившейся на фельдшерских курсах, и летом 1880 г., используя фальшивый паспорт, обвенчался с ней. Отметим, что вопреки неписаной революционной традиции брак Тихомирова был не только официальным, но и закреплялся церковным обрядом

---

² Воспоминания Льва Тихомирова. – М.; Л., 1927. – С.241.

венчания, на котором шафером был Н.К.Михайловский. Судьба дала Тихомирову двух сыновей – Николая и Александра, который впоследствии стал епископом Тихоном, и двух дочерей – Веру и Надежду.

После раскола «Земли и воли» на «Черный передел» и «Народную волю» Тихомиров примкнул к последней, став членом Исполнительного комитета, Распорядительной комиссии и редакции «Народной воли». Он успешно справляется со своими задачами, в число которых, прежде всего, входят пропаганда и агитация. Одним из наиболее известных произведений революционной пропаганды стала написанная Тихомировым «Сказка о четырех братьях», которая, по словам П.А.Кропоткина, «всем очень понравилась»³. В.Г.Короленко вспоминал, что эта сказка широко использовалась для пропаганды в крестьянской среде и имела там успех. Но уже в этот период Тихомиров начинает сомневаться в правоте своего дела. На одном из заседаний ИК «Народной воли», проходившем в середине 1880-го г., он заявляет о своем желании выйти из революционной организации. А.П.Прибылева-Корба вспоминала, что эта сцена была «в высшей степени мучительна». Товарищи напомнили Тихомирову о том, что по условиям устава Исполнительного комитета о выходе из него не может быть и речи, и единогласно решили дать ему «временный отпуск для поправления здоровья». Арестованный через несколько месяцев после этого заседания А.Д.Михайлов писал из тюрьмы товарищам о необходимости «беречь и ценить» Тихомирова как «лучшую умственную силу», и просил прощения за то, что часто упрекал его в бездействии⁴. Но сам Тихомиров к этому времени уже не был тем «Тигричем», которого знали его товарищи. К нему больше

---

³ Кропоткин П.А. Записки революционера. – М., 1988. – С. 336; См.: Где лучше? Сказка о четырех братьях и их приключениях. – Женева, 1873.

⁴ См.: Пелевин Ю.А. Новые материалы о народовольцах А.Д.Михайлове, А.П.Прибылевой-Корбе и Л.А.Тихомирове // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – М., 1979. – № 3.

подходила другая подпольная кличка – «Старик». Душевные метания и жизнь нелегала отразились не только на внутреннем состоянии, но и на внешности Льва Александровича. Одна из соратниц по «Народной воле», Ольга Любатович так описала его портрет конца 70-х годов: «В нашей среде Л. Тихомирова звали стариком. И в самом деле, этот худой, с бритым, ради конспирации, по-департаментски подбородком и английскими баками человек, с маленькими выцветшими серыми глазами и полинялыми жидкими волосами, казался стариком, хотя ему вряд ли было за 30...»⁵.

После убийства Александра II народолюбцами и разгрома партии, Тихомиров в 1882 г. уехал за границу. Перед этим он направил Александру III открытое письмо Исполнительного комитета «Народной воли» содержащее недвусмысленные угрозы в адрес императора. За границу также выехала Екатерина Дмитриевна. Обосновавшись в Париже, Тихомиров продолжал заниматься революционной деятельностью и вместе с П.Л.Лавровым редактировал «Вестник Народной воли» (1883–1886). В полицейской справке о деятельности Льва Александровича отмечалось: «Прежде всего, Тихомиров приложил все свои силы к поднятию тогда упавшей революционной литературы»⁶. В эмиграции во взглядах Тихомирова постепенно начинает нарастать серьезный перелом. Он все чаще начал задумывался о пройденном пути, о смысле жизни. И эти размышления были весьма печальными: «передо мною все чаще является предчувствие или, правильнее, *ощущение* конца. Вот, вот конец жизни <...> Еще немного, — и конец, и ничего не сделано, и перед тобой нирвана. И сгнуться в бессмысленном изгнании, когда чувствуешь себя так глубоко *русским*, когда ценишь Россию даже в ее слабостях, когда видишь, что ее слабости вовсе не унижительны, а сила так величественна»⁷. Тяжкие думы усугублялись постоянным безденежьем, порождавшим ссоры между супругами, и болезнью сына (менингит). Немало нервов испортил Тихомирову заведующий русской полицейской агентурой в Париже П.И.Рачковский, следивший за каждым его шагом.

---

⁵ Цит. по: Тихомиров Лев Александрович // История государства Российского: Жизнеописание. XIX век. Вторая половина. – М., 1998. – С.148.

⁶ Цит. по: Вахрушев И.С. Очерки истории русской революционно-демократической печати 1873–1886 гг. – Саратов, 1980. – С.191.

⁷ Воспоминания Льва Тихомирова. – С.224.

Пытаясь найти ответ на мучившие его вопросы, Тихомиров обратился к Библии. Все чаще и чаще книга открывалась на фразе: «И избавил его от всех скорбей его и даровал мудрость ему и благоволение царя египетского фараона...» (Деян., 7, 10). Пытавшегося вникнуть в смысл написанного Тихомирова неожиданно озарило: «Да не государь ли это? Не на Россию ли мне бог указывает?». Он начинает ходить в церковь, часто берет туда сына, которому рассказывает о Боге и России. Постепенно Тихомиров все больше и больше начинал верить в то, что он сам имеет «некоторую миссию». Так происходило его внутреннее перерождение. Предпосылки к этому уже имелись. «Строго говоря, я не был вполне безбожником никогда, — вспоминал Тихомиров. — Один раз во всю жизнь я написал: “Мы не верим больше в руку Божью”, и эта фраза меня смущала и вспоминалась мне, как ложь и как нечто нехорошее»⁸.

В 1888 г. в Париже вышла брошюра Тихомирова «Почему я перестал быть революционером?», которая окончательно подвела черту под его революционным прошлым. 12 сентября 1888 г. Тихомиров подал Александру III прошение с просьбой о помиловании. Тихомиров писал о своем нелегком пути от революционного радикализма к монархизму, о том, что своими глазами увидел, «как невероятно трудно восстановить или воссоздать государственную власть, однажды потрясенную и попавшую в руки честолюбцев», о своем раскаянии; просил «отпустить... бесчисленные вины и позволить... возвратиться в отечество»⁹. Экземпляр брошюры был направлен товарищу министра внутренних дел В.К.Плеве, вместе с прошением о возвращении в Россию. Посылая В.К.Плеве свою брошюру «Почему я перестал быть революционером», Тихомиров признавался: «Если мы отбросим все наговоры и неточности, остается все-таки факт, что в течение многих лет, я был одним из главных вожakov революционной партии, и за эти годы, — сознаюсь откровенно, — сделал для ниспровержения существующего правительственного строя все, что только было в моих силах»¹⁰.

Бывшие соратники Л.А. Тихомирова дали различные оценки произошедшего с ним переворота. Н.А. Морозов писал, что у Тихомирова «никогда не было прочных убеждений в необходимости изменения самодержавного образа правления»¹¹. А.П.Прибылева-Корба считала, что «позорное и смешное поведение Тихомирова в период от 1884 года и позднее есть

---

⁸ Там же. – С.287.

⁹ Там же. – С.250–251.

¹⁰ Там же. – С.231.

¹¹ См.: Морозов Н.А. Повести моей жизни. – М., 1961. – Т.2. – С. 684.

последствие его психического заболевания. И у него и было достаточно причин, чтобы сойти с ума! Нам, видевшим его в качестве основателя страшной ее врагам революционной партии “Народной Воли”, и позднее в качестве популярного и любимого вожака во главе этой партии, вполне ясно, что только физическое изменение его мозга могло превратить выдающегося и талантливое человека в жалкое существо, вселявшее во всех видевших его отвращение и брезгливое чувство презрения... Надо признать, что у Тихомирова не было недостатка в причинах потерять душевное равновесие, и сойти с ума. Со временем психическое расстройство переходит в слабоумие. Тихомиров делается ханжой, монархистом, поклонником Александра III и Победоносцева»¹². Аналогичной точки зрения придерживалась и В.Н.Фигнер, считавшая, что Тихомиров «заболел психически». Говорили о «дурном» влиянии «мещанки-жены», о денежных затруднениях, о провокации заграничной охранки и т.д. Сам же Тихомиров в брошюре «Почему я перестал быть революционером» писал о безнравственности революционного пути, противопоставляя ему путь эволюционный. Брошюра вызвала полемику не только в среде эмигрантов, но и в самой России. «Во всех местах теперь галдят о Тихомирове...» — сообщал в начале сентября 1888 г. Г.И.Успенский В.М.Соболевскому¹³. Власть решила пойти навстречу раскаявшемуся революционеру. В декабре того же года Тихомиров получил ответ в российском посольстве. Он был амнистирован, и мог вернуться на родину, но должен был в течение пяти лет состоять под гласным надзором.

С самого начала Тихомиров оговорил, что он не будет участвовать в провокациях против бывших единомышленников-революционеров. Он мотивировал это не только нравственными, но и практическими соображениями: «Переход *честного* человека и *не озлобленного* как бешеная собака — производит огромное впечатление. Но что доказывает переход на сторону Правительства какого-нибудь жулика или даже честного, но не помнящего себя от злобы человека?», — писал он в ноябре 1888 г.¹⁴ Накануне отъезда из Парижа в Россию Тихомиров сжег все бумаги, которые могли скомпрометировать бывших товарищей. Вначале он хотел просто зачеркнуть компрометирующие места, но потом решил уничтожить бумаги. «А то еще не дай Бог — не успею исправить, и будут когда-нибудь на меня ссылаться в защиту чорт знает чего. Сжечь — жаль

---

¹² РГАЛИ. Ф.1185. Оп. 1. Ед. хр. 675. Л.98; 104.

¹³ Успенский Г.И. ПСС М., 1954. — Т.14. — С.173; Подробнее см.: Костылев В.Н. Ренегатство Л.А.Тихомирова и русское общество в конце 80-х — начале 90-х годов XIX в. // В кн.: Проблемы истории СССР. — М., 1980. — Вып. 2.

было, но сжег», — писал он Новиковой¹⁵. От старой жизни он решительно отошел, но какова будет новая, еще не знал. В этот период ему нужен был надежный и влиятельный советчик. Таким человеком стала Ольга Алексеевна Новикова. Родившаяся в 1840 г. в семье известных славянофилов Киреевых, она была умной и незаурядной женщиной, сотрудничала в «Московских ведомостях» и «Русском обозрении». Среди ее знакомых были Т.Карлейль, М.Нордау, М.Н.Катков, А.С.Суворин, К.Н.Леонтьев, К.П.Победоносцев. Помимо чисто дружеского интереса к Новиковой, Тихомиров стремился, пользуясь ее связями в высших кругах, убедить власти в искренности своего раскаяния и заинтересовать их возможностью сотрудничества. Немаловажно и то, что она помогала Тихомирову деньгами. Отметим, что Новикова была одной из трех женщин (включая С.Л.Перовскую и Е.Д.Сергееву), сыгравших особую роль в судьбе Тихомирова. Его письма О.А.Новиковой за 1888–1889 гг. показывают образ человека, который стремился, во что бы то ни стало отвергнуть любые подозрения в неискренности его выбора: «Это преувеличенное недоверие меня огорчает вдвойне... Ведь в сущности это недоверие ко мне заключает огромную долю недоверия к себе. И вот это меня просто оскорбляет. Как! Неужели люди русской Истории, русского Царя, — не могут себе представить, что их дело, их идеи могут кого-нибудь искренне привлечь? Неужели они так уверены, что искренне, по совести и без расчетов можно делаться только революционером?»¹⁶.

Другим близким другом Тихомирова с которым он спешил поделиться своими идеями, становится известный философ и публицист Константин Николаевич Леонтьев. В письмах Тихомиров подробно обсуждал необходимость «миссионерской деятельности» среди молодежи: «Я думал, думаю и буду думать, что нам, православным — нужна *устная* проповедь. Или лучше — миссионерство. Нужно миссионерство систематическое, каким-нибудь обществом, кружком. Нужно *заставить* слушать, *заставить* читать. Нужно искать, идти на встречу, идти туда, где вас даже не хотят. И притом... важно не *вообще* образованное общество, важна *молодежь*, еще честная, еще способная к самоотвержению, еще способная думать о душе, когда узнает, что у ней есть душа. Нужно идти с проповедью в те самые слои, откуда вербуются

---

¹⁴ РГАЛИ. Ф.345. Оп.1. Ед. хр. 746. Л.61 /об/.

¹⁵ Там же. Ед. хр. 747. Л.15–15 /об/.

¹⁶ Два письма Льва Тихомирова к Ольге Новиковой // Эхо: Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. — М., 2000. — Вып.3. — С. 108.

революционеры”¹⁷. Леонтьеву отводилась роль своеобразного вождя: “С Вами, под Вашим влиянием или руководством пойдет, не обижаясь, каждый, так как каждый найдет естественным, что первая роль принадлежит именно Вам, а не ему. Наоборот, если... взять меня, то никто, во-первых, не обратит внимания на мои слова, а если ж — паче чаяния — я бы и имел бы успех — это самое и оттолкнуло бы многих. Ведь люди — все такие свиньи, с этим нужно считаться. А то, знаете, от этих писаний (имеется в виду публицистическая деятельность. — А.Р.) польза очень минимальная. Никто все равно не читает. Да еще хорошо *Вам*, по крайней мере, пишете, что хотите. А мне, например, даже и развернуться нельзя. Везде свои рамки, и как дошел до этой рамки — стукнулся и молчи. Какая же это работа мысли?”¹⁸. К сожалению, дружеским отношениям двух мыслителей был отмерен судьбой короткий срок. 12 ноября 1891 г. Леонтьева не стало. В этот день, узнав о кончине своего друга и единомышленника, Тихомиров записал в дневнике: “У меня еще не умирало человека так близкого мне не внешне, а по моей привязанности к нему. Судьба! Мне должно быть одиноким, по-видимому. Он мне был еще очень нужен. Только на днях предложил *учить* меня, быть моим *катехизатором*. И вот, — умер... Меня эта смерть гнетет. Так и хочется написать ему: «Константин Николаевич, неужели вы серьезно-таки умерли?.. Тоска ужасная»¹⁹. Тихомирову предстояло испытать еще много потерь и дожить до полного крушения самодержавной России, служению которой он отдал годы своей жизни. Словно предчувствуя это, 11 октября 1894 г. он записал в дневнике: «Бедная Россия! И какие потери. Все, что ни есть крепкого или подававшего надежды — все перемерло: Катков, Д.Толстой, Пазухин, К.Леонтьев, П.Астафьев. Ничего кругом: ни талантов, ни вожаков, ни единой личности, о которой бы сказал себе: вот центр сплочения. А остатки прошлого, либерально-революционного, пережили 13 лет, тихо и без успехов, но в строжайшей замкнутости и дисциплине сохранили все позиции, сохранили даже людей, фирмы, знамена, около которых завтра же могут сплотиться целые армии»²⁰.

После прибытия в Россию, побыв недолго в Петербурге, Тихомиров был вынужден обосноваться в Новороссийске, надеясь, что правительство в скором времени убедится в его благонадежности и снимет с него надзор. Попытки Тихомирова наладить отношения с

---

¹⁷ РГАЛИ. Ф.290. Оп.1. Ед. хр. 51. Л.4.

¹⁸ Там же. — Л.4 /об/.

¹⁹ Воспоминания Льва Тихомирова. — С. 397–398.

«Новым временем» не привели к желаемым результатам. Письма Тихомирова к А.С.Суворину свидетельствуют об определенной напряженности в отношениях между ними, к тому же впоследствии Тихомиров критически отнесся к такому ведущему автору газеты, как М.О.Меньшиков. В Новороссийске Тихомиров проводит время в работе над статьями, читая церковные книги и общаясь с родными. Его особенно радовало то, что дочери, воспитанные матерью Тихомирова, ходили в церковь. Вскоре был крещен сын Тихомирова Саша, крестной матерью которого стала О.А.Новикова. Помимо обязательств перед родными, у Тихомирова были обязательства и перед правительством. Он жаждет работать, хочет оправдать доверие, но не может развернуться в полную силу, находясь под надзором. 20 марта 1889 г. он сетует на обстоятельства в письме О.А.Новиковой: «У меня от этого сердце кипит, но что делать? Кроме порчи крови все-таки нет других результатов. А действовать *нужно!*»²¹. От бездействия Тихомиров впадает в отчаяние. В сентябре 1889 г. последовала запись в дневнике: «Я уже знаю, что сделать в общественном смысле мне ничего не удастся. Я уже понял, что Россия, при всей своей глупости, во мне все-таки не нуждается. Я понял, что мне нужно думать о себе, о своей душе, а затем исполнять текущие маленькие обязанности, которые еле-еле по силам мне, не мечтая о крупных»²². В январе 1897 г. он запишет другое наблюдение: «Мне кажется, что вообще моя писательская судьба будет служить упреком современной России: не умела она мною воспользоваться. Ослиное общество во всяком случае...»²³.

В 1890 г. по высочайшему повелению с Тихомирова был снят полицейский надзор и дано разрешение на «повсеместное в империи жительство». Заботой Тихомирова становятся поиски постоянного и

---

²⁰ Там же. – С.424–425.

²¹ РГАЛИ. Ф.345. Оп.1. Ед. хр. 747. Л. 30.

²² Воспоминания Льва Тихомирова. – С. 365.

стабильного заработка. Он давно мечтал о службе. «Мне нужно *служить*... Да не будь я – я, не компрометируй меня служба в полиции – я бы, может быть, предпочел полицию многим пунктам наблюдения. Но мне это не годится», – писал он Новиковой в феврале 1890 г²⁴. Претерпев значительные материальные лишения, он смог в сентябре 1890 г. обосноваться в Москве и развернуть активную публицистическую деятельность. Начинается период сотрудничества с газетой «Московские ведомости». Со временем Тихомиров становится одним из ведущих публицистов монархического лагеря, а с 1909 по 1913 гг. возглавляет «Московские ведомости». Он также активно публикуется в журнале «Русское обозрение», в котором сотрудничали такие консерваторы, как А.А.Александров, П.Е.Астафьев, В.А.Грингмут, С.А.Рачинский и др.

На протяжении долгих лет работы на публицистическом поприще Тихомиров пытался достучаться до сознания «образованного меньшинства». Он, знавший жизнь и «верхов» и «низов» считал, что «человек нашей интеллигенции формирует свой ум преимущественно по иностранным книгам. Он, таким образом, создает себе мировоззрение чисто дедуктивное, построение чисто логическое, где все очень стройно, кроме основания — совершенно слабого»²⁵. В оторванности от народа он видел источник постоянного интеллигентского стремления к поучительству: «указывать на чтение книг как на средство *выработки миросозерцания* вообще можно, лишь не имея понятия о том, что такое есть живое человеческое миросозерцание, которое складывается прежде всего под влиянием *личной жизни*, а никак не книжек»²⁶. На протяжении долгих лет Тихомиров пишет об узко классовом духе интеллигенции о ее замкнутости и изолированности. Вместе с тем он отнюдь не был противником образования: «России был и остается нужен *образованный* человек, — писал он, — нужен был, нужен и теперь *подвижник правды*. Но это ничуть не значит, чтобы ей нужен был «интеллигент», со всеми его претензиями на господство в дезорганизованной им

---

²³ ГАРФ. Ф.634. Оп.1. Ед. хр. 6. Л. 81.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 345. Оп. 1. Ед. хр. 748. Л. 9–9 /об/.

²⁵ Тихомиров Л.А. Критика демократии. – С. 26.

²⁶ Там же. – С. 567.

же стране»²⁷.

Многим русским консерваторам начала XX в. удалось отметить негативные стороны либеральной системы. Не был исключением и Тихомиров. «Партийные вожаки, — писал он, — получают значение каких-то своеобразных владетельных князьков или, точнее, олигархов. Главное *официальное* правительство страны ничто в сравнении с этими негласными владыками, создающими и ниспровергающими правительства официальные»²⁸. Однако при всем кажущемся могуществе демократия порождает крайне неавторитетный слой управленцев: «Патрициев, дворян, служилых массы иногда ненавидели, но уважали и боялись. Современных политиков — просто презирают повсюду, где демократический строй сколько-нибудь укрепился», поскольку правящий класс «вечно занят борьбой за власть, постоянно принужден думать о том, как захватить народ, сорвать его голоса, правдами-неправдами притащить его к себе, а не самому прийти к нему... Нет класса, живущего более *вне народа*, чем нынешние политиканы»²⁹. Апофеозом обмана и игры на низменных чувствах являются выборы, когда побеждают не столько самые лучшие, сколько самые беспринципные. «По части искусства одурачивать толпу, льстить ей, угрожать, увлекать ее — по части этого губельного, ядовитого искусства агитации люди дела *всегда* будут побиты теми, кто специально посвятил себя политиканству»³⁰. Парламентаризм будет существовать до тех пор, «пока наконец не исчезнет под напором не общего презрения, давно уже достигшего полной степени зрелости, а движения, до сих пор оказывающегося невозможным по отсутствию личности, около которой могло бы оно сомкнуться»³¹. Под этим движением Тихомиров понимал социализм.

Публикуя в 1884 г. в «Вестнике Народной Воли» статью «Чего нам ждать от революции?» Тихомиров доказывал, что абсурдно «толковать о деспотизме коммунистического правительства. Правительство, народом выбираемое, контролируемое и сменяемое, не может насильно навязывать народу благодеяния социализма или коммунизма»³². Став монархистом, Тихомиров принялся доказывать нечто противоположное. Так, в работе «Социальные миражи современности» (1891), прогнозируя возможность практического воплощения в

---

²⁷ Там же. — С. 591.

²⁸ Там же. — С. 170–171.

²⁹ Там же. — С. 129; 130.

³⁰ Там же. — С. 166.

³¹ Там же. — С. 156.

жизнь социалистической идеи, он стремился доказать, что новое общество обязательно будет построено на подавлении личности во имя государственных интересов: «Власть нового государства над личностью будет по необходимости огромна. Водворяется новый строй (если это случится) путем железной *классовой* диктатуры. Социал-демократы сами говорят, что придется пережить период диктатуры рабочего класса»³³. В своей работе Тихомиров указывал, что именно социал-демократическая партия имеет все шансы на установление в будущей России социалистического строя. И в этом он оказался прав.

Характерно, что Тихомиров пытался показать наличие в социализме положительных сторон, признавая благородное стремление утопического социализма к устройству более развитого общества. «Мы видим в рядах первых социалистов множество людей действительно высокой нравственности... В утопическом же социализме родилось первое стремление к уяснению внутренних законов общественности», — писал он³⁴. В качестве неоспоримых заслуг социалистического учения Тихомиров выделял следующие: усиление коллективного начала; усиление общественной помощи личности; более справедливое и равномерное распределение. С точки зрения Тихомирова, социализм вовсе не был явлением, возникшим неведомо откуда. Именно усиленная эксплуатация в капиталистическом обществе «своими недостатками и злоупотреблениями создала социализм, который выдвинул много справедливого как протест против буржуазного общества...»³⁵. Тихомиров признавал закономерность возникновения социализма, как протеста против безжалостной эксплуатации, считая, что «на почве крайней бедности и — слишком часто — прямого притеснения неизбежно должны были возникать революционные движения народных масс, в теории объявленных владыками государства, а на практике сплошь и рядом чувствовавших себя рабами»³⁶. Он отмечал, что, прикрываясь на словах рассуждениями о свободе и равенстве, буржуазное общество на практике привело к господству капиталиста над пролетарием, лишенным многих элементарных прав. В социалистическом учении он видел не только чисто экономическую подоплеку, но и стихийный протест масс против обнищания, законное желание людей улучшить свою жизнь. Не случайно

---

³² Тихомиров Л.А. Из статьи «Чего нам ждать от революции?» // Революционный радикализм в России: век девятнадцатый: Документальная публикация. — М., 1997. — С. 433.

³³ Тихомиров Л.А. Критика демократии. — С. 143.

³⁴ Там же. — С. 326.

³⁵ Там же. — С. 268.

³⁶ Там же. — С. 326.

Тихомиров считал, что государство обязано проявлять заботу о своих гражданах. Тихомиров задавался вопросом: «...каково положение человека, которого заработок если и позволяет жить кое-как, однако не дает никакого обеспечения? Потерял работу — и сразу очутился в положении бродячей уличной собаки, если не в худшем», и считал, что социализм «...совершенно прав, взывая в этом случае не к простой филантропии, а утверждая, что общество *обязано* принять меры к изменению такого положения»³⁷. Новое социалистическое общество, по мнению Тихомирова, «будет держаться известной иерархией авторитетов, известной системой власти, которая точно так же силой, *принуждением* поддержит необходимые материальные и нравственные основы, а за нарушение принятых правил порядка и собственности будет так же карать, как ныне, — с той разницей, что все это будет *строже*, ибо если с нашей нынешней рыхлостью можно догнывать свой век, то с ней никак нельзя ничего основать, так что строители нового общества непременно должны будут его «пасти жезлом железным», особенно на первых порах»³⁸.

Не менее резко, чем либералов и социалистов, Тихомиров критиковал и царскую бюрократию. Особенно раздражал Тихомирова безликий и бездуховный казенный патриотизм: «Чем больше я изучаю и ближе наблюдаю наши общественные и правящие круги и администрацию, тем более убеждаюсь в их политической малосознательности, а отсюда происходит своеобразность буффонального патриотизма — у одних и отсутствие его — у большинства, хотя и мыслящих себя монархистами... Наши правящие круги и все вообще застряли на начатках своей политической веры. Спросите самого правоверного монархиста: почему он монархист и в чем его политическая вера? Кроме стереотипных славянских лозунгов «за Самодержавие, Православие и русскую народность», он ничего другого не сумеет сказать, определить и доказать»³⁹. Изо дня в день в душе одного из крупнейших идеологов монархизма назревало сомнение в дальнейших перспективах существования самодержавной России. Это сомнение иногда прорывалось на страницах писем и дневников, не предназначенных для широкого круга людей. Прощенный и вернувшийся на родину, начиная борьбу с радикалами, он уже сомневался в исходе этой борьбы. Последнее представляется наиболее важным и объясняет ту раздвоенность, которая будет постоянно

---

³⁷ Там же. — С. 272.

³⁸ Там же. — С. 623.

³⁹ Маевский В.А. Революционер-монархист. Памяти Льва Тихомирова. — Новый Сад. 1934. — С. 71–72.

присутствовать в душе Тихомирова и в итоге приведет его к отходу от публицистической деятельности. Его колебания не оставались незамеченными. Литературный критик А.Л.Волынский отмечал, что в публицистике Тихомирова нет «твердого внутреннего убеждения и психологической цельности»⁴⁰. С одной стороны, являясь одним из монархических идеологов, он не должен был сомневаться в неизбежном поражении социализма; с другой стороны, он не мог не видеть, что самодержавный режим приближается к роковой черте. 11 февраля 1905 г. он писал в дневнике: «Нет ничего гнуснее вида нынешнего начальства — решительно везде. В администрации, в церкви, в университетах <...> И глупы, и подло трусливы, и ни искры чувства долга. Я уверен, что большинство этой сволочи раболепно служило бы и туркам, и японцам, если бы они завоевали Россию». Характерна и запись, сделанная в дневнике 20 мая 1905 г. после Цусимского сражения: «Дело не в гибели флота... но ведь и вообще все гибнет. Уж какая ни есть дрянь Россия, а все-таки надо ей жить на свете. Ах, как мне жаль этого несчастного царя! Какая-то искупительная жертва за грехи поколений. Но Россия не может не желать *жить*, а ей грозит гибель, она прямо находится в гибели, и царь бессилён ее спасти, бессилён делать то, что могло бы спасти его и Россию! Что ни сделает, губит и ее и его самого. И что *мы*, простые русские, как я, например, можем сделать? Ничего ровно. Сиди и жди, пока погибнешь!»⁴¹.

На страницах дневников и писем Тихомирова можно найти десятки подобных высказываний: «Россия — погибшая, презренная... страна»; «правительство так мерзко... что ничего хуже не может быть»; «церковь разлагается»; бюрократия «съела царя», а на престол после Александра III взшел «русский интеллигент... прекраснородушного типа, абсолютно не понимающего действительных законов жизни». На политическом Олимпе России, по мнению Тихомирова, находились только посредственности: Витте — «гнусный сифилитик», Плеве — «глубокий, до мозга костей бюрократ» и т.д. Тихомиров уже не верит в правительство и призывает к «хождению в народ» с консервативными идеями. Он убеждает единомышленников сражаться в одиночку, замешиваясь в ряды противников, пропагандировать свою позицию, «образовывать... бродячие консервативные идеи», которые когда-нибудь заронят в том или ином чутком человеке семя консервативного созерцания. Нельзя отрицать глубочайшего

---

⁴⁰ Волынский А. Полемиическая перестрелка // Северный вестник, СПб., 1894. — № 10. — С. 74.

⁴¹ 25 лет назад (Из дневников Л. Тихомирова) // Красный архив. — Т.2. — М.,-Л., 1930. — С. 63; 71.

пессимистического мировосприятия, присущего Тихомирову. Огромная нагрузка отразилась и на его поведении. «Никогда, например, не видели его веселым, смеющимся, беззаботным... Волосы упрямо торчали, брови хмуро сдвигались, со лба и лица не сходили борозды напряженных дум и тяжелых переживаний... Он производил впечатление человека, ежечасно, ежеминутно боящегося и ожидающего какого-то безвестного и тайного удара», — писал знавший Тихомирова В.А.Маевский⁴².

Наиболее фундаментальной работой написанной Тихомировым в тот период стало историко-философское исследование «Монархическая государственность», которое выходило летом–осенью 1905 г. Несколько экземпляров книги были «именными». Один был передан Николаю II. В феврале 1906 г. в знак признания важности этого труда Тихомиров по Высочайшему повелению был удостоен серебряной чернильницы «Empire» с изображением государственного герба выполненной фирмой Фаберже. Получив подарок, он воспринял его как «нравственное одобрение» его трудов. На широкий успех книги Тихомиров особенно не надеялся. «Обидно, что моя “Монархическая государственность” не читается. Время придет, конечно, но тогда пожалуй нужно будет строить монархию заново, а это трудно», — писал он 18 августа 1906 г. А.С.Суворину⁴³. В этой работе Тихомиров смог дать целостную картину истории монархической власти не только в общероссийском, но и в мировом масштабе. Характерно, что эта книга оказалась слишком «заумной» для правых, и в 1911 г. протоиерей Иоанн Восторгов подготовил на ее основе краткое общедоступное изложение основных идей в форме вопросов и ответов⁴⁴. Всего книга выдержала пять изданий. Второе и третье вышли при содействии эмигрантов-монархистов в Мюнхене (1923) и Буэнос-Айресе (1968); четвертое и пятое в Санкт-Петербурге (1992) и Москве (1998). Помимо «Монархической государственности», к числу наиболее значимых работ Тихомирова можно отнести: «Начала и концы. Либералы и террористы» (1890), «Социальные миражи современности» (1891), «Борьба века» (1895), «Знамение времени – носитель идеала» (1895), «Единоличная власть как принцип государственного строения» (1897), сборник статей 1909–1911 гг. «К реформе обновленной России» (1912).

---

⁴² Маевский В.А. Указ. соч. – С. 51.

⁴³ Бухбиндер Н.А. Из жизни Л. Тихомирова (по неопубликованным материалам) // Каторга и ссылка. Историко-революционный вестник. – М., 1928. – № 12. – С. 67.

⁴⁴ Восторгов И. Что такое монархия? Опыт монархического катехизиса. – М., 1911.

Определенные надежды Тихомирова на перемены были связаны с деятельностью П.А.Столыпина. Именно Столыпин пригласил Л.А.Тихомирова в советники, предоставив ему должность в Совете Главного управления по делам печати. Лев Александрович написал ряд записок премьеру, выступив в качестве консультанта по рабочему вопросу, и, в частности, подготовил для премьера «Доклад относительно заявления о запросе по поводу преследования профессиональных союзов рабочих». Как и ряд других консерваторов, Тихомиров активно отстаивал «зубатовское направление». Он считал, что рабочие организации надо не преследовать, а использовать на благо государству. «В политике и общественной жизни — все опасно, как и вообще все в человеческой жизни может быть опасно. Понятно, что бывает и может быть опасна и рабочая организация. Но разве не опасны были организации дворянская, крестьянская и всякие другие?.. Вопрос об опасности организации для меня ничего не решает. Вопрос может быть лишь в том: вызывается ли организация потребностями жизни? Если да, то значит ее нужно вести, так как если ее не будут вести власть и закон, то поведут другие — противники власти и закона... наше государство в настоящее время должно ввести в круг своей мысли и заботы — организацию рабочих», — писал Тихомиров Столыпину 31 октября 1907 г.⁴⁵ Тихомиров отмечал особую специфику российского пролетариата. Русские рабочие еще вчера «пришлые из деревни» не могут за короткий срок перестроить свое сознание, и им, оторванным от почвы, нужно помочь. Оказать необходимую помощь должно государство. Тихомиров предлагал установить гармонию сельского хозяйства и промышленности, исключавшую преобладание «фабрики» над «землей». Он понимал абсурдность попыток торможения промышленного развития и видел выход в единении «города» и «деревни». Рабочие союзы должны были не противопоставлять пролетариат и крестьянство, а, наоборот, базироваться на основе общинных принципов.

5 июля 1911 г. Тихомиров обратился со страниц «Московских ведомостей» к Столыпину с письмом, в котором призывал его пересмотреть Основные законы 1906 г. После убийства П.А.Столыпина его брат А.А.Столыпин опубликовал текст пометки, которую сделал Петр Аркадьевич на тихомировском письме. Она гласила: «Все эти прекрасные теоретические рассуждения на практике оказались бы злостной провокацией и началом новой революции»⁴⁶.

---

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. оп. Д-4, 1908 г., Ед. хр. 251, ЛЛ. 1 об. – 2—2 об.

⁴⁶ Тихомиров Л.А. Христианство и политика. – М., 1999. – С. 365.

В октябре 1911 г. Тихомиров отметил в частном письме, что одной из причин неудач деятельности Столыпина явилось то, что он абсолютно «не думал, что всякая путная деятельность должна быть проникнута христианским настроением»⁴⁷. В октябре 1912 Тихомиров записал в дневнике: «...Недаром Столыпина убили. Он хотя и конституционалист, но человек «прусского образца» и по энергии [характера] не дал бы Монарха в обиду. А теперь - люди! ... и, вероятно, куча прямых предателей. В народе же даже и для Вандеи нет уголка. Не Курская же губерния со своими правыми? Несчастный Монарх, мне Его до смерти жалко, но... Царь очень плох... Я лично, признаюсь, потерял всякую веру в спасение»⁴⁸. В письме Б.В. Никольскому от 14 января 1913 г. Тихомиров язвительно замечает: «Ругали Вы Столыпина, говорили, что препятствует устройению России. Что же у вас там устроили без него? Пора бы покаяться перед покойным»⁴⁹.

В 1913 г. Тихомиров опубликовал в «Московских ведомостях» несколько статей, посвященных «Делу Бейлиса». Посылая одну из таких статей Б.В. Никольскому, он предлагал: «... я бы весьма желал, чтобы Вы обратили на этот вопрос внимание Министра Юстиции. Самому не хочется писать ему. Я представляю, что если бы был образован для этого особый комитет, то Вы бы должны были быть его членом. Возможно, что годился бы Чаплинский. Конечно, следовало бы вызвать Пранайтиса, может быть Скворцова, который умеет расследовать. Без сомнения должен быть Замысловский»⁵⁰. Рекомендация В.М.Скворцова, редактора правого «Колокола», наряду с другими лицами в Комиссию по расследованию «дела Бейлиса» вполне согласовывалась с позицией, которую выражал Тихомиров в газетных статьях. Он писал о возможности существования некой «секты», которая может быть причастна к неким «ритуальным зверствам». Как и ряд других монархистов, Тихомиров делал упор на том, что хотя суд и признал Бейлиса не виновным в ритуальном убийстве, но в то же время признал «доказанность убийства со всеми признаками ритуальности». Это был один из последних периодов публицистической активности Тихомирова, когда его статьи «на злобу дня» уже имели мало общего с аналитическими публикациями прежних лет.

---

⁴⁷ ГАРФ. Ф.102. Оп. 265, 1911 г., Ед. хр. 511, Л. 19

⁴⁸ Там же. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 21. Л. 124 /об/ – 125.

⁴⁹ Там же. Ф. 588. Оп. 1. Ед. хр. 781. Л. 8 /об/.

⁵⁰ Там же. – Л. 13.

Попытки Тихомирова стать «духовным отцом» монархического движения не увенчались успехом. В итоге он отошел от публицистической деятельности и переехал в Сергиев Посад. Андрей Белый, случайно столкнувшийся с Тихомировым в Сергиевом Посаде, оставил нам крайне язвительное описание последнего: «ставшая узеньким клинушкой белая вовсе борода напомнила лик старовера перед самосожжением в изображении Нестерова; не хватало лишь куколя на голове, потому что сюртук длинный и черный – как мантия; жердеобразная палка, колом, - мне напомнила жезл; точно инок, он шел на меня, сухо переступая и сухо втыкая «жезл» в землю... Он не отпустил нас без чаю... я разглядывал тощее благообразие профиля, четко построенного, благолепие жестов, с которыми он брал стакан, ломал хлеб, совершая чин службы, а не чаепития: не то действительный статский от схимы, не то схимник – от самодержавия...»⁵¹. В 1913 г. Тихомиров начинает работу над книгой «Религиозно-философские основы истории», которая была опубликована только в 1997 г. Эта работа продолжалась в течение пяти лет. Попутно на квартире религиозного писателя и редактора «Религиозно-философской библиотеки» М.А.Новосёлова Тихомиров прочел ряд докладов, соответствующих главам книги: «О гностицизме», «О философии Каббалы», «О магометанском мистицизме» и др. На религиозной почве происходит сближение Тихомирова с религиозным писателем М.В.Лодыженским (1852–1917), автором «Мистической трилогии»⁵². В 1915 г. Тихомиров обращается к нему с письмами в которых пытается дать своему личному религиозному опыту осмысление в форме «различных категорий бытия»⁵³.

В своем духовном завещании от 23 января 1916 г. Тихомиров, сумевший к тому времени скопить небольшое состояние, подробно распорядился своим имуществом. Казалось, что он, всю жизнь сетовавший на нужду, мог, наконец, вздохнуть свободно. Но революция моментально разорила бывшего редактора «Московских ведомостей», опять поставив его семью на грань выживания. Все, что было нажито тяжелым трудом и постоянной поденной работой, на глазах обращалось в прах. Сил бороться больше не было, да и самих

---

⁵¹ Белый А. Начало века. – М., 1990. – С. 164–165.

⁵² Лодыженский М.В. Мистическая трилогия. – М., 1998. – Т. 1–3.

⁵³ См. Тихомиров Л.А. Письма к М.В. Лодыженскому // Вопросы философии. – М., 1992. –

идеалов, за которые можно было бороться тоже уже не осталось. 10 марта 1917 г. газета «Утро России» сообщила о том, что 8 марта Л.А.Тихомиров сам явился в милицию и дал подписку: «Я, нижеподписавшийся, Лев Александрович Тихомиров, даю сию подписку в том, что Новое Правительство я признаю и все распоряжения оною исполню и во всем ему буду повиноваться». В мае 1917 Тихомиров записывает в дневнике: «Теперь у меня уже кончена жизнь... Мои идеалы, мои представления... отвергнуты и покинуты народом, Россией и человечеством»⁵⁴. Не случайна патетическая фраза о «человечестве». Как признавался и сам Тихомиров, он с детства был «очень самолюбив и даже тщеславен». О склонности к самоанализу и рефлексии свидетельствует и наличие дневника, который он вел на протяжении долгих лет. К сожалению, дневники Тихомирова, относящиеся к периоду Октябрьской революции, в ГАРФ отсутствуют и трудно судить, как именно он оценил свершившиеся события. Только почти через год Тихомиров, всегда трепетно относившийся к своим записям, пишет письмо председателю ученой коллегии Румянцевского музея: «Покорнейше прошу Вас принять на хранение в Румянцевском Музее прилагаемые при сем двадцать семь переплетенных тетрадей моих дневников и записок...»⁵⁵. Условия передачи дневников и рукописей следующие – в течение жизни Тихомирова и десять лет после его смерти право пользоваться этими рукописями оставалось только за членами семьи Тихомирова, а через десять лет после смерти рукописи «поступают в распоряжение Румянцевского музея на общих основаниях». Просьба бывшего народовольца была исполнена.

К тому времени Тихомиров уже целиком погрузился в проблемы религиозного характера, завершив исследование «Религиозно-философские основы истории» и написав повесть «В

---

⁵⁴ ГАРФ Ф.634. Оп. 1. Ед. хр. 27, Л. 128–129.

последние дни», начало которой датировано 18 ноября 1919 г. а окончание 28 января 1920 г. (по старому стилю). Повесть впервые увидела свет только в 1999 г. По своей направленности она перекликается с работой Тихомирова «Религиозно-философские основы истории», однако мистическая повесть «В последние дни» не является чисто философским произведением, поскольку в ней действуют выдуманные Тихомировым герои⁵⁶.

Социализм и связанный с ним материализм были, по мнению Тихомирова, только «пассивным» отступлением от Бога, но еще не означали воцарение Антихриста, как это казалось многим современникам событий. Тихомиров считал, что для перехода к «активному» отступлению нужно, чтобы материализм сменился какой-либо формой нового мистицизма, при котором только и возможно появление «нового бога», «инога бога». А поскольку этого еще не произошло, то, следовательно «последние времена» еще впереди. К моменту появления Антихриста общество в повести Тихомирова, *уже пережило* испытание социализмом и материализмом.

Все эти религиозные работы писались без какой-либо надежды на публикацию, «для вечности», а в реальной жизни нужно было как-то существовать и кормить семью. В 1922 г. Тихомиров смог зарегистрироваться в Комиссии по улучшению быта ученых. Интересен в этой связи, заполненный им в мае 1922 г. опросный лист, хранящийся в ГАРФ⁵⁷. Называя места своей научной работы, Тихомиров, помимо прочего, перечислял: Библиографический отдел Главного управления по делам печати в 1905–1909 гг., библиографические и статистические работы по составлению и изданию «Книжной летописи»; членство в Совете Главного управления по делам печати; литератор, сотрудничавший в журналах «Слово», «Дело», «Отечественные записки», «Русское обозрение»; газетах «Новое время», «Санкт-Петербургские ведомости», «Московские ведомости», «Россия», «Русское слово» и др. В обязательном списке научных трудов были указаны и весьма двусмысленные для 1922 г. публикации: «Борьба века», «Социальные миражи современности», «Альтруизм и христианская любовь» и др. Получалось, что советская власть должна содержать

---

⁵⁵ Там же. Ед. хр. 2. Л. 1.

⁵⁶ Подробнее см.: Репников А.В. Лев Тихомиров - от революции к апокалипсису // Россия и современный мир. 1998. Вып. 3. С.189-198.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 3 – 3 /об/ – 4 – 4 /об/.

человека, который долгие годы пропагандировал православие, самодержавие и народность. В письме от 4 июля 1922 г. В.П.Панаев сообщал Тихомирову, что тот зарегистрирован по 3-й категории (история литературы, языковедение, библиотековедение). Ему выделялась определенная денежная сумма, и паек — 1 пуд и 12 фунтов муки, 16 фунтов гороха, 10 фунтов риса, 6 фунтов масла, 30 фунтов мяса, $\frac{3}{4}$ фунта чая, 4 фунта сахара, 3 фунта соли.

Помимо работы над религиозными трудами другой заботой Тихомирова на склоне лет стало написание воспоминаний. Многие из запланированных автором очерков так и не были написаны, но даже то, что было создано, свидетельствует об огромном желании Тихомирова поделиться с новыми поколениями опытом своей непростой судьбы. На 23 сентября 1918 г. подготовленный список тем составлял 80 наименований! А.Д.Михайлов, С.Л.Перовская, С.Н.Халтурин, К.Н.Леонтьев, П.Е.Астафьев, Вл.С.Соловьев – все они стали «теньями прошлого». Тихомиров, переживший их всех, стремился исполнить свой последний долг, запечатлеть на бумаге те «мелочи жизни», которые «нужно знать будущему историку»⁵⁸. Воспоминания отличаются необычной мягкостью тона, как по отношению к соратникам по монархическому лагерю, так и по отношению к бывшим друзьям-революционерам. Эти воспоминания, объединенные под общим названием «Тени прошлого» были полностью изданы только через 77 лет после смерти Тихомирова, который скончался в Сергиевом Посаде 10 (16) октября 1923 г.

Изломанная, неровная судьба Тихомирова, его внутренний мир вызывают в памяти образы героев Ф.М.Достоевского. Русский философ Г.П. Федотов называл его «загадочным», символист Андрей Белый увидел в нем новый тип «религиозно-философского чудака». За прошедшее столетие Тихомирова называли: «сумасшедшим», «кающимся грешником», «рenegатом» «отцом русского фашизма», «революционером-монархистом». Но подлинного Тихомирова нельзя подогнать под такие одномерные определения. Сейчас некоторые публицисты призывают нас обустроить Россию «по Тихомирову», взяв в качестве образца его труды. Конечно, нельзя не приветствовать переиздание публицистического и философского наследия этого неординарного мыслителя, но, при всей важности его работ, они вряд ли могут быть использованы в практике государственного строительства сегодняшней России.

---

⁵⁸ Тихомиров Л.А. Тени прошлого. – М., 2000. – С.18.

Нужно пытаться критически осмыслить доставшееся нам богатейшее наследие русской консервативной мысли, и тогда оно займет свое место в России XXI в.